

Перспективы инвестиций в российский топливно-энергетический комплекс: политические риски¹

Симонов Константин Васильевич

Канд. полит. наук, первый проректор по внешним коммуникациям Финансового университета

E-mail: ksimonov@mail.ru

Петросянц Даниэл Викторович

Канд. экон. наук, доцент кафедры «Прикладная политология» Финансового университета

E-mail: dan-basa@yandex.ru

Васильева Екатерина Юрьевна

Экономический аналитик Аналитического холдинга

E-mail: ek.golovkina@gmail.com

В статье рассматриваются проблемы влияния политических рисков на международные нефтегазовые компании, деятельность которых осуществляется в России. Кратко дается определение политического риска в рамках инвестиционной деятельности. К стандартным политическим риск-факторам прибавился еще один специфический вид, который инвесторам необходимо принимать во внимание. Речь идет о политике санкций, которую с подачи Вашингтона стал активно поддерживать Брюссель.

Санкции как политический риск возникают не внутри страны, куда приходят инвестиции, а во внешнем мире. Таким образом, санкционную политику ведут те страны, чьи компании инвестируют в Россию, создавая дополнительный барьер между властью и собственным бизнесом.

Проводится анализ последствий наступления негативных событий, вызванных применением странами Запада политики санкций. При этом политические риски в сложившейся ситуации описываются как для России, так и для международных западных компаний. Приводится ряд примеров реализации политических рисков и тех последствий, с которыми столкнулись крупнейшие нефтегазовые компании мира этой осенью.

Отдельное внимание уделено проблемам импортозамещения в энергетическом секторе. Кроме того, ставится вопрос о том, кто в будущем сможет для российских компаний «Роснефть», «ЛУКОЙЛ» оказывать сервисные услуги по бурению скважин на сложных месторождениях.

Ключевые слова: государственная поддержка, инвестиционный проект, неопределенность, политические деятели, политические риски, политические санкции, риск-фактор, энергетический сектор.

Opportunities for Investments in Russian Energy Sector: Political Risks²

Simonov Konstantin Vasil'evich

Ph.D. (Political Science), Associate Professor, First Deputy Rector, Financial University

E-mail: ksimonov@mail.ru

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по Государственному заданию Финансового университета 2014 г.

² The article is based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds in accordance with a state task of Financial University, 2014.

Petrosyants Daniel Viktorovich

Ph.D. (Economics), Associate Professor, Applied Political Science Department, Financial University

E-mail: dan-basa@yandex.ru

Vasil'eva Ekaterina Yur'evna

Economy Analyst in Analytical Holding

E-mail: ek.golovkina@gmail.com

The article covers some problems of political risks impact on international energy companies, who operate in Russia. Political risk definition in investment activity gives in brief. Nowadays to traditional political risk-factors we can add one more. This kind of risk is quite specific, but international investors have to take it into account. We talk about sanction policy that on Washington advice Brussel decides to support.

Sanctions as political risk arises not inside the country but in external world. So sanction policy is initiated by those governments whose business invests in Russia, creating additional barrier between governance and national companies.

Consequences of negative occurrences are analyzed in the context of sanction policy. Moreover, political risks in current situation are described for Russian and for international energy companies. Various examples of political risks realization and its consequences for major world oil companies that take place this autumn are indicated.

The problem of import substitution subsidy in energy sector is under special attention. In addition authors raise the issue about future service support of well drilling perspectives for Russian oil and gas companies like Rosneft and LUKOIL.

Keywords: energy sector, government support, investment project, policy makers, political risks, political sanctions, risk-factor, uncertainty.

Россия в 2014 г. столкнулась с новым явлением — политикой применения странами Запада санкций против ряда отраслей и персоналий, которое способно привести к разбалансировке экономики в целом и нанести сокрушительный удар по ее инвестиционной составляющей. Однако любой кризис — это своего рода шанс обратить потери в прибыль. Не является исключением и текущий период — на санкциях можно и нужно извлечь выгоду.

Исследование нынешней ситуации проходит при негативном конфронтационном политическом фоне, когда просчитать все возможные политические последствия можно только предположительно, сделав прогноз о развитии ситуации, о реалистичности которого можно судить лишь со временем. Однако новые политические рамки ставят и новые ориентиры. Большинство исследований влияния политических рисков на инвестиционные процессы описывают теперь только прошлую реальность, возврат к которой практически невозможен. Социально-экономико-политическая система является и инерционной, и адаптивной, что ставит сегодняшнее состояние инвестиционной сферы в России в классификацию неустойчивой политической разбалансировки, с непредсказуемой глубиной негативных последствий [1, с. 12].

В самом общем виде политический риск можно определить как возможность наступления неблагоприятных событий, возникающих в результате принятия и реализации политических решений соци-

альными акторами под воздействием внешних и внутренних факторов. Он есть специфическая характеристика деятельности социального актора в условиях неопределенности и ситуации политического выбора.

Если рассматривать политические риски в области международных отношений, их изучение отражает интерес при управлении экзогенными факторами, которые могут оказывать влияние на рыночные условия. Как заметил Левелин Д. Ховел, «...политический риск есть возможность того, что политические решения или события в стране повлияют на бизнес-климат таким образом, что инвесторы либо потеряют деньги, либо получат меньше ожидаемой доходности, когда инвестиции уже будут сделаны» [2, с. 14]. Для Левелина Д. Ховела это означает анализ исторических и текущих событий, которые могут привести к прогнозированию обстоятельств, из-за которых возникает ущерб. Целью таких прогнозов служит подготовка инвесторов к преодолению таких рисков.

В контексте данной статьи авторский коллектив под детерминантами политического риска понимает процессы и явления, которые негативно сказываются на принятой инвестиционной политике и способствуют увеличению неопределенности относительно перспектив реализации тех или иных инвестиционных проектов.

Основными группами детерминантов в инвестиционных процессах (с точки зрения политических

рисков) являются: политико-властные, геополитические, экономические, социокультурные и социально-демографические, военно-силовые и информационные.

Рассматривая политический риск как потенциальный фактор снижения доходности инвесторов, в мировой практике сложился следующий подход к трактовке этого явления. Источником политического риска является традиционно страна-реципиент, правительство которой может внезапно прибегнуть к следующим действиям: национализация и экспроприация активов иностранной компании-инвестора; ограничения на получение прибыли (вывод свободных денежных средств из страны); аннулирование договоров и соглашений; принудительное изъятие капитала или лишение права собственности [3, с. 18]. В принципе международное право признает суверенное право любой страны экспроприировать иностранное имущество и частную собственность, но только в том случае, если стоимость экспроприируемых активов полностью компенсируется владельцу и когда это не идет в нарушение контрактных соглашений и обязательств. Определение риска экспроприации и аналогичных ей мер сформулировано в Конвенции ООН³ и включает не только прямое лишение права частной собственности на имущество посредством законодательного акта о национализации и передачи титула собственности государству, но и действия или бездействие правительства, которые делают бесполезными права инвестора в отношении его инвестиций (права собственника, акционера, кредитора) [4, с. 11].

Необходимо отметить, что политические риски инвесторов растут, когда в стране-реципиенте происходит спад в экономике. Государство заинтересовано в том, чтобы доходы компании остались внутри страны и были реинвестированы, а не конвертировались в валюту и не выводились из страны. Поэтому в мировой практике для нивелирования данного вида риска страховые компании оговаривают специальные условия в договоре. Государство-реципиент не имеет право оказывать негативное воздействие на операционную деятельность инвестора и ухудшать условия ведения бизнеса, по сути, переписывать «по ходу» правила игры.

Сейчас же к стандартным политическим факторам прибавился еще один специфический вид, который теперь инвесторам необходимо принимать во внимание. Речь идет о политике санкций, которую с подачи Вашингтона стал активно поддерживать Брюссель. Введение экономических

санкций против России по политическим мотивам в 2014 г. внесло множество изменений в инвестиционные программы как отечественных нефтегазовых компаний, так и иностранных инвесторов, традиционно работающих на российском рынке, таких как *Exxon*, *Total* и др.

Санкции как политический риск возникают не внутри страны, куда приходят инвестиции, а во внешнем мире. Таким образом, санкционную политику ведут те страны, чьи компании инвестируют в Россию, создавая дополнительный барьер между властью и собственным бизнесом.

Конфликт России с Западом из-за украинского кризиса, вопреки слухам о возможном начале процесса снятия санкций, продолжает ужесточаться. В начале октября Совет ЕС отказался даже ставить в повестку дня обсуждение возможного смягчения антироссийских санкций.

Напомним, что США и ЕС запретили компаниям из стран-членов оказывать в России нефтесервисные услуги: бурение, испытание скважин и геофизические исследования в скважине на глубоководных и сланцевых месторождениях, а также в Арктике. Ограничения не коснутся лишь действующих проектов.

Что касается постановки блоков на переток технологий энергетической сферы в Россию, то принятые летние санкции запрещают продажу, поставки, передачу или экспорт технологий и оборудования, если они могут быть использованы для разведки и добычи на глубоководном шельфе, шельфе Арктики или для производства сланцевой нефти. В запрещенный перечень попали различные виды труб (как для нефте- и газопроводов, так и для бурения), буровое оборудование и мобильные вышки, нефтяные насосы, а также плавучие и полупогружные буровые платформы и суда обеспечения, в том числе трубоукладчики.

В свое время план нашего правительства состоял в том, чтобы втянуть европейские компании в совместную разработку технологий и методик для конкретных сложных месторождений, из этой кооперации европейским компаниям было бы выйти уже намного сложнее, чем из проектов, где они тиражируют относительно стандартный опыт [5, с. 125–130].

Насколько санкции США распространяются на уже действующие проекты — вопрос спекулятивный. Здесь оставлен «зазор», который юридически можно трактовать по-разному. Что именно считать «арктическими» проектами (с какой широты и т.п.), «трудной нефтью», а так же, что именно считать

³ Ратифицирована в нашей стране постановлением Верховного Совета РФ только в 1992 г. (22 декабря 1992 г. № 4186-1).

уже начатыми проектами. В зависимости от политической конъюнктуры власти США могут потребовать от своих компаний или частичного, или полного сворачивания их работ в России.

Так, *Exxon* объявила об остановке девяти из десяти своих проектов в России. Работы в Карском море (бурение скважины «Университетская-1») также будут прекращены — американский Минфин просто дал компании время для технически и экологически безопасного сворачивания работ. Технические работы все равно должны были быть закончены в октябре по климатическим причинам, и этот факт ряду наблюдателей кажется уважительной причиной для поведения американской стороны. На самом деле, это лишь попытка сделать хорошую мину при плохой игре. Ведь ключевой смысл в объявлении о скором сворачивании работ означает, что всего политического влияния *Exxon* в Вашингтоне не хватило, чтобы убедить принимающих политические решения лиц в американской столице пойти компании, заинтересованной в работе в России, на уступки.

Не помогло и срочное (27 сентября 2014 г.) объявление о нахождении в результате бурения в Карском море крупного нефтегазового месторождения, тут же названного «Победой». И. Сечин заявил, что, по предварительной оценке, ресурсная база составляет 338 млрд кубометров газа и больше 100 млн «прекрасной легкой нефти, даже по первичным результатам сопоставимой с *Siberian Ligh*» (см.: <http://www.vedomosti.ru/companies/news/33978051/arkticheskaya-pobeda>). На самом деле, без дополнительного бурения утверждать о реальных запасах невозможно. Цель объявления об открытии в субботу (по законам медийного жанра о нем нужно было объявлять либо в пятницу, либо уже в понедельник, чтобы получить максимальное освещение в СМИ и экспертных кругах) именно в том, чтобы у *Exxon* появились на руках новые аргументы для последней попытки в выходные дни убедить американских чиновников пойти на попятную.

Проблеск позитива в истории с *Exxon* заключается в том, что пока из-под санкций выведены СРП-проекты⁴, включая и «Сахалин-1», в котором участвуют американцы. Но *Exxon*, в случае запрета работать на Сахалине, просто потеряла бы выручку, а удар по России был бы минимальным — проект уже давно работает, новых технологий или больших инвестиций

для его поддержания не нужно. При этом нельзя исключать, что стремление показать успех политики по изоляции России в итоге приведет администрацию США к решению о запрете вообще всем американским компаниям работать в России в любых форматах.

В отраслевых кругах существует предположение, что американские компании, в том числе сервисные *Halliburton, Schlumberger, Weatherford, Baker Hughes*, настолько экономически заинтересованы в российском рынке, что обязательно найдут лазейки в американском законодательстве о санкциях, наняв армию юристов и лоббистов. По данным *RBC Capital Markets*, на Россию приходится до 7% выручки *Schlumberger*. В отчете за второй квартал 2014 г. компания сообщала, что может в 2014 г. в России недосчитаться почти 40 млн долл. (это еще вне сценария полного запрета работы в нашей стране).

Теоретически возможны контрабандные поставки оборудования через третьи страны, перерегистрация бизнеса компаний в России на подставные фирмы и пр. Но издержки на обход санкций могут стать заградительно высокими, и сервисные компании из США все же уйдут из России.

Показательно, что из-за санкций в отношении поставок оборудования для нефтяной индустрии пострадал и «Газпром», ведь часть номенклатуры отраслевых товаров нужна и для нефтяной добычи, и для газовой. Как заявил замглавы правления концерна А. Медведев, «...некоторые поставщики пытаются подводить определенные товарные позиции под санкционные списки» [6]. Бизнес поставщиков перестраховывается.

Так же поступает и компания *Total*, объявившая о выходе из проекта с ЛУКОЙЛОМ, направленного на разработку месторождений и передачу технологий по добыче нефти в Западной Сибири, которую можно классифицировать как сланцевую нефть, хотя ЛУКОЙЛОМ она обозначается как несланцевая нефть. Речь идет о разных интерпретациях работы на баженновской «свите». В течение двух лет российская и французская компании предполагали совместно инвестировать в геологоразведочные работы 120–150 млн долл. Чтобы избежать этих вопросов или двоякого трактования, *Total* решила перестраховаться. Что касается «Ямала-СПГ» и СРП-проекта в Хьюстоне с участием *Total*, то они как действующие проекты сейчас находятся вне прямого санкционного давления.

⁴ Соглашение о разделе продукции (СРП) — особый вид договора об учреждении совместного предприятия. Обычно соглашение о разделе продукции является договором, заключенным между зарубежной добывающей компанией (подрядчиком) и государственным предприятием (государственной стороной), уполномочивающей подрядчика провести поисково-разведочные работы и эксплуатацию в пределах определенной области (контрактная территория) в соответствии с условиями соглашения (*Прим. авт.*).

Представители *Shell* говорят, что видят влияние санкций на проекты «по Бажене», но о полном уходе из страны не заявляет. Однако *Shell* уже приостановила сотрудничество с российской нефтяной компанией «Газпром нефть» в рамках СП «Ханты-Мансийский нефтяной союз» (ХМНС) и объявила об «...изучении возможности» продолжения работы в рамках СП *Salym Petroleum Development* по сланцевым проектам⁵.

Statoil также заявляет, что продолжит сотрудничество с «Роснефтью». При этом часть работ будет пересмотрена, и «корректировка будет продолжена, если понадобится». Сотрудничество «Роснефть» и *Statoil* в России предусматривает совместное освоение Персеевского участка в Баренцевом море и участков Магадан-1, Лисянский и Кашеваровский в Охотском море. Доля *Statoil* в проектах составит 33,3%, норвежская компания в соответствии с соглашением сторон должна полностью профинансировать работы по геологоразведке на этих участках. Можно вести долгие споры о том, какие именно проекты попадают под санкции с точки зрения норвежского регулятора, но тут финальное слово остается именно за норвежским правительством, которое в вопросах санкций всегда солидаризуется с позицией ЕС.

Важно учитывать, что американские и европейские власти могут предъявлять своим компаниям следующие аргументы: «мы не требуем от вас навсегда проститься с Россией — вы сможете вернуться после свержения нынешнего российского руководства». Скорее всего, западные лидеры преувеличивают хрупкость нынешнего российского политического режима, но обещание «раздела добычи» в будущем может быть использовано, чтобы хотя бы частично успокоить недовольный бизнес. «Довод» работает еще и потому, что в европейских компаниях очень сильны американские акционеры, которым принадлежат доли в тех же *ENI* и *Total*. Это все сильнее напоминает ситуацию с распадом СССР. Тогда падение цен на нефть спровоцировало рост экономических трудностей, после чего на российский рынок стали массово приходить западные компании. Так, *Halliburton* стала работать в России в 1991 г. — в год крушения СССР. Обращает на себя внимание форум ВТБ-капитала, прошедший в начале октября с участием В.В. Путина, где были заметны представители китайского бизнеса. Президент РФ даже назвал Китай приоритетным партнером. Видимо, сценарий замещения западных компаний китайскими становится основным в со-

знании В.В. Путина — и в плане партнеров по шельфу, Арктике и сланцам, и по сервисному сегменту в широком смысле. Огромный промышленный потенциал КНР и созданная в стране мощная фундаментальная наука в сочетании с развитыми сетями промышленного шпионажа для получения технических открытий с Запада означают, что если не мгновенно, то с задержкой в несколько лет китайские компании сумеют заместить западные в сфере сервиса топливно-энергетического комплекса (ТЭК). По сути, для сланцевых проектов нужно лишь тиражировать уже имеющиеся технологии и строить в больших объемах буровые установки, что не проблема для китайской промышленности. Да и создание технологий для Арктики не станет непреодолимой задачей для китайских ученых (видимо, для этой цели будут создаваться и совместные предприятия (СП) с российскими компаниями и инженерными институтами).

На этом фоне отдельные проблемы в переговорах российских игроков с азиатскими компаниями не выглядят непреодолимыми для последних. Так, индийская *ONGC* прекратила переговоры о вхождении в компанию «Ямал СПГ». Вместе с тем не вызывает сомнений, что если из проекта будут вынуждены уйти французы, у Г. Тимченко не останется иного выхода, как предложить еще более выгодные условия азиатам.

Сближению России и Китая может быть придан мощный импульс в случае роста конфликтности в отношениях Вашингтона и Пекина. Собственно, нынешние беспорядки в Гонконге — это и есть симптом возможного в будущем резкого ухудшения отношений США с Китаем, даже если именно сейчас протесты сойдут на нет. Это удар по планам австралийского экспорта сжиженного природного газа (СПГ-экспорта) в КНР и по планам поставки американского СПГ в Китай. Невозможно одновременно угрожать санкциями Китаю и рисовать его в будущем как крупного покупателя западного (американского и австралийского) газа. Это два взаимоисключающих политических курса. В Пекине неизбежно будут расти сомнения, можно ли рассчитывать теперь на десятилетия надежных австралийских поставок и включать эти расчеты в свое долгосрочное планирование.

Впрочем, в современном мире долгосрочные тенденции и «тропы зависимости» от ранее принятых решений соседствуют с очень быстрым темпом со-

⁵ «Газпром нефть» и *Shell* владеют *Salym Petroleum Development* на паритетной основе. Компания с 2003 г. осваивает Салымскую группу нефтяных месторождений (суммарные извлекаемые запасы — 140 млн т) в ХМАО — Югре. Группа включает Западно-Салымское, Верхне-Салымское и Вадельпское месторождения. Добыча СПД в 2013 г. составила около 7 млн т нефти (Прим. авт.).

циальных процессов, в том числе политических. Так, Иран за последние месяцы чуть ли не в мгновение ока превращается из одного из главных врагов в одного из главных друзей Запада. На Западе действительно далеко не все значимые игроки хотят продолжения и эскалации конфликта с Россией.

Кроме того, санкции выступили в качестве катализатора борьбы за деньги Фонда национального благосостояния (ФНБ). Появилось два новых аргумента. Во-первых, лоббисты стали настаивать, что тратить нужно внутри страны и быстрее — иначе есть риск заморозки активов по иранской схеме. Во-вторых, компенсации потребовали попавшие под санкции компании.

Самые большие запросы, естественно, у представителей Роснефти. Роснефть попросила сначала 1,5 трлн руб. в качестве займа. Учитывая, что весь объем ФНБ к началу октября 2014 г. составил 3,3 трлн руб., получается, что Роснефть претендует практически на половину средств Фонда.

Аппетиты НОВАТЭКа на этом фоне выглядят умеренными, хотя в абсолютных цифрах тоже велики. Из ФНБ на проект «Ямал СПГ» НОВАТЭК попросил 100 млрд. Однако не следует забывать, что проект «Ямал СПГ» получает мощное государственное финансирование, несмотря на то, что это частный проект. В начале октября премьер-министр Д.А. Медведев подписал распоряжение, согласно которому правительство выделяет 71,2 млрд руб. на строительство объектов морского порта в районе поселка Сабетта и создание судоходного подходного канала в Обской губе для транспортировки СПГ. Для сравнения: из внебюджетных источников на порт пойдет лишь 25,9 млрд руб.

Помимо денег из ФНБ, Роснефть хочет сейчас под предлогом санкционного давления получить дополнительные месторождения из нераспределенного фонда. Недавно Роснефть даже предлагала ставить вопрос об изменении порядка распределения месторождений, создавая для себя преференциальный порядок (И. Сечин даже предлагал отдавать месторождения только компаниям, мажоритарные акционеры которых являются российскими юридическими или физическими лицами), но пока идея не получила поддержки. Поэтому компания «Роснефть» занялась более приземленным проектом. Как стало известно в начале октября, Роснефть собирается оценить ресурсы нефти в отложениях абалакской свиты в юго-восточной части Фроловской нефте-

газоносной области с целью увеличения своей ресурсной базы. На основе этой оценки нефтяная компания будет принимать управленческие решения о приобретении новых активов и возможности участия в новых проектах⁶.

Формально эти участки относятся к нераспределенному фонду недр, но фактически они находятся под действующими месторождениями. Роснефть полагает, что это достаточный аргумент для обоснования необходимости получения новых лицензий. И хотя без зарубежной помощи компания вряд ли сможет разрабатывать эти месторождения, зато можно будет объявить об увеличении ресурсной базы Роснефти.

Примечательно, что более «активно раздавать» лицензии предлагает и ЛУКОЙЛ, но только на равных условиях для всех участников рынка. Компания утверждает, что не претендует на финансовую поддержку и хочет лишь облегчить доступ к стратегическим месторождениям из нераспределенного фонда, чтобы частники не были дискриминированы. Сейчас компаниям с большой долей иностранного участия по закону о недрах необходимо получать разрешение правительственной комиссии по зарубежным инвестициям.

Среди прочего, ЛУКОЙЛ хотел бы работать в транзитных зонах территориальных вод (единственный доступный для частных структур элемент шельфа) и участвовать в аукционе на участок в Хатангском заливе. В случае успеха оттуда уже недалеко будет и до облегчения работы на шельфе для ЛУКОЙЛа — раз уж ему дали возможность начинать новый проект во внутренних водах. Хочет ЛУКОЙЛ и продления по бессрочному принципу своей лицензии на Малеяльское месторождение.

ЛУКОЙЛ, почти не скрываясь, начал лоббировать дальнейшую либерализацию СПГ-экспорта, которым сейчас из числа независимых компаний могут заниматься только Роснефть и НОВАТЭК. ЛУКОЙЛ уже направил в комитет Госдумы по энергетике соответствующий законопроект, который предполагает отмену всех ограничений по экспорту СПГ. ЛУКОЙЛ ссылается на санкции: мол, нужны новые проекты СПГ в условиях политики Запада против трубопроводного российского экспорта (в том числе и против нормальной работы *OPAL*, против Южного потока).

Интересно, что у ЛУКОЙЛа сейчас нет проектов производства СПГ. Это дает компании возможность

⁶ Абалакская, баженовская, тюменская и фроловская свиты — участки недр в Западной Сибири. Они отличаются большой глубиной залегания (для абалакской глубина составляет 2–3 км), сверхнизкой проницаемостью, но высокой нефтенасыщенностью. По сути, речь идет о сланцевой нефти. Совокупные запасы баженовской и абалакской свит достигают, по экспертным оценкам, 11 млрд т нефти.

говорить о том, что она лоббирует не свои, а отраслевые интересы. ЛУКОЙЛ в 2013 г. предлагал разрешить ему добычу в Хатангском заливе моря Лаптевых (восточно-таймырское побережье Якутии). По закону эти месторождения к шельфовым не относятся, и не нужно менять закон для выдачи разрешений [7, с. 23]. Теперь же ЛУКОЙЛ может развернуть этот проект, заговорив и о производстве СПГ в Якутии.

Государство намерено создавать ледокольный флот для поддержки экспорта с «Ямала СПГ», где большинство акций принадлежит частному НОВАТЭКу. ЛУКОЙЛ теперь также попал в санкционный список, значит, тоже может просить поддержки у государства. Санкции дают новое толкование старой идее В. Алекперова о том, что нет государственных и частных компаний, а есть компании национальные. Таковыми сейчас можно считать все попавшие под санкции корпорации, вне зависимости от формы собственности. И все они будут просить государственной поддержки в том или ином виде. Вопрос, конечно, в том, насколько у государства хватит ресурсов в ситуации экономической войны с Западом.

Понятно, что для самого энергетического бизнеса уход из России нежелателен. Это и потеря уже понесенных затрат, и выход из перспективных проектов, а в ряде случаев (как с сервисными компаниями) — и потеря серьезного и значимого рынка.

Поэтому сами западные энергетики занимают умеренно оптимистичную позицию. Во время экономического форума в Сочи представители Shell и Total заявили, что намерены продолжать реализацию своих проектов в России, несмотря на введенные против страны санкции. По словам председателя правления Shell Оливера Лазара, «Мы давно здесь работаем, привыкли к долгосрочной перспективе и хотели бы продолжать работать в России» [8]. А гендиректор дочерней структуры французской Total в России Жак де Буассезон сказал следующее: «Есть санкции, но работать все равно надо <...> санкции — это не средство для борьбы с проблемами <...> это неправильно, это не работает. Я бы предпочел, чтобы политические проблемы решались при помощи политических инструментов» [8].

Если же говорить непосредственно о проектах в ТЭК по нетрадиционным углеводородам и сложным месторождениям, то они в случае эскалации санкций действительно могут быть остановлены. Арктика — на десятилетия, и это в принципе не самый плохой вариант, потому что делать на ней ставку в среднесрочной перспективе было бы весьма наивно.

Важнее разработка баженовской свиты. Это месторождение принципиально отличается от Арктики. Хотя и в том и в другом случае неверно говорить о необходимости экспорта технологий в Россию — ситуация чуть сложнее. В Арктике многие необходимые технологии еще не существуют. И их нужно создавать (скажем, совершенно не ясно, как ликвидировать разливы нефти в условиях Арктики). В случае с баженовской свитой технологии как раз известны и существуют (горизонтальное бурение, многостадийный гидроразрыв пласта). Вопрос в том, кто их будет реализовывать. В России сейчас некому выполнять необходимые сервисные услуги адекватного качества и в нужном количестве (при добыче сланцевой нефти объем работ будет несравнимо больше, чем при традиционной добыче).

Видимо, после некоей паузы в проекты с нетрадиционной и сложной нефтью будут приглашены китайские партнеры. У китайских компаний пока нет нужных инженерных решений, но они могут быть созданы в приемлемые сроки. Для этого у Поднебесной есть и деньги, и фундаментальная научная база, и развитые промышленные мощности, и система продвинутого промышленного шпионажа для получения если не готовых технологий, то их элементов с Запада. Промышленный шпионаж не заменяет собственную работу (тем более что конкретных инженерных решений под конкретные сложные добычные проекты нет и у самого Запада), но способствует ее ускорению.

Китайская *Honghua Group* — один из крупнейших в мире производителей бурового оборудования — уже активно работает с Россией. На нее приходится 12% выручки компании, оборудование фирмы стоит дешевле западного. Однако вопрос не только в технике, но и в способности проводить большие объемы буровых работ.

Не исключено, что в спешном порядке будет создана государственная сервисная компания, которая затем может влиться в Роснефть. (И. Сечин — известный противник того, чтобы зазывать сервисные услуги на стороне.)

Если события будут развиваться по худшему сценарию, в ближайшее время западные компании под давлением США будут выходить из российских проектов. Конечно, сами они этого не хотят — Россия дает им солидную прибыль и хорошие перспективы. Однако политическая решимость американской элиты может оказаться слишком серьезным аргументом. Сегодня, скажем, американские сервисные компании активно заверяют в кулуарах, что не покинут Россию ни при каких обстоятельствах. И даже если будет введен прямой запрет на работу в России, они уйдут

в серую зону — оборудование останется в России и будет переведено на другие фирмы, то же произойдет и с сотрудниками. Эти аргументы многих в России успокаивают. Однако происходит недооценка решимости англосаксов бороться с путинским режимом, ради чего придется идти и на убытки. Акционеры американских сервисных компаний не могут игнорировать такие настроения, так что «тактика анаконды» — постепенного удушения санкциями — явно будет продолжена, что может привести к постепенной замене в российском нефтегазе европейских и американских компаний на китайские.

Вместе с тем уход сервисных компаний из российских проектов будет настоящей головной болью. Уже сегодня порядка 25% нефти в России добывается при помощи гидроразрыва пласта. По некоторым компаниям ситуация ее хуже. Так, в компании «Газпром нефть» в 2013 г. 42% ее скважин бурились горизонтально, а еще 57% — с применением гидроразрыва пласта. А лидируют здесь как раз западные сервисные компании. И быстро заменить их не получится.

Без американских *Halliburton*, *Schlumberger* и *Baker Hughes* многие проекты, в том числе и в области трудно извлекаемой нефти, станут проблематичными. Структура сервисного рынка примерно такова: по 30% приходится на подразделения вертикально интегрированных нефтяных компаний (ВИНК), которые все-таки не были выведены в отдельные структуры и проданы, а также на независимые российские компании. Остальная часть рынка, примерно в 40%, контролируется иностранными компаниями. Конечно, сервисные услуги весьма разнообразны: тут и ремонт скважин, и сейсмика, и повышение нефтеотдачи пластов. Но чем сложнее работы, тем выше зависимость от нерезидентов.

Экстренно попытаться поднять отечественный сервис нереально, особенно если учесть, что многие российские сервисные компании находятся в очень печальном финансовом состоянии. Один из примеров — крах ОАО «РУ-Энерджи Групп», который не способен расплатиться с кредитами.

Российский президент, да и европейцы недооценили степень решимости США наказать Россию.

Но вопрос этот оказался слишком принципиальным. Так что говорить о временном характере санкций уже не приходится. Санкции будут нарастать. Более того, США будут убеждать Европу не только выходить их российских проектов, но вообще отказываться от энергетического партнерства. Сейчас США с новой силой настаивают на том, чтобы Европа не опасалась энергетического конфликта с Россией. США уверяют ЕС, что он обойдется без российского топлива, обещая поставки своего СПГ. Таким образом, в настоящее время закладываются основы энергетического «развода» России и Европы, который становится все более реальным.

Алармистские настроения в отношении современного состояния инвестиционной сферы в нашей стране, особенно осенью 2014 г., достигли наивысшего градуса. Связанно это и с объективными экономическими показателями, и с серьезной информационной атакой, инициированной США и рядом ее партнеров. Инновационно-модернизационный вектор развития Российской Федерации в условиях кризиса и санкций естественным образом конвертировался в мобилизационную модель. Негативные ожидания инвесторов, игра на понижение фондовых спекулянтов раскручивают стоимость инвестиций и их рискованность. Глубина падения рынков и курса национальной валюты стали практически непредсказуемы.

Политические риски нивелируются сбалансированным согласованием интересов при подписании инвестиционных соглашений. Какие партнерские отношения станут взаимовыгодными и не подорвут экономическую и политическую безопасность России, определить будет возможно только в процессе переговоров с азиатскими инвесторами.

Таким образом, следует еще раз подчеркнуть, что современная нам Россия находится в эпицентре геополитических интересов целого ряда разнонаправленных векторов интересов государств, корпораций, коалиций, конфессий и т.п. [9, с. 19], что создает неустойчивый во времени инвестиционный климат, с серьезной составляющей в нем политических рисков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Howell L.D.* The handbook of country and political risk analysis (3rd edition). East Syracuse. NY: The PRS Group, 2006.
2. *Эскиндаров М.А., Миркин Я.М.* Риски финансового кризиса в России: сценарии и политика противодействия // Вестник Финансового университета. 2008. № 2. С. 10–21.
3. *Brink Charlotte H.* Measuring political risk: risks to foreign investment. Published by Ashgate Publishing Ltd., 2012. 200 p.

4. Сеульская Конвенция 1985 года об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций. ООН от 11 октября 1985 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900505> (дата обращения: 15.12.2014).
5. Симонов К.В. Энергетическая сверхдержава. М.: Алгоритм, 2006. 272 с.
6. Газета.Ру. Газ попал под санкции [Электронный ресурс] URL: <http://www.gazeta.ru/business/2014/09/23/6232329.shtml> (дата обращения: 23.09.2014).
7. Головкина Е.Ю. Политические риски в инвестиционной оценке нефтегазовых проектов // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2013. № 2 (277). С. 21–29.
8. МИГ Интерфакс. Санкции пока не затронули работу Shell в России [Электронный ресурс] URL: <http://www.interfax.ru/business/397692> (дата обращения: 19.09.2014).
9. Шатилов А.Б. Инновационный проект модернизации России и позиция властной элиты // Власть. 2013. № 9. С. 16–20.

REFERENCES

1. Howell L.D. The handbook of country and political risk analysis (3rd edition). EastSyracuse. NY: The PRS Group, 2006.
2. Eskindarov M.A., Mirkin Ja.M. Riski finansovogo krizisa v Rossii: stsennarii i politika protivodeystviya [Risks of financial crisis in Russia: scenarios and counteracting policy]. *Vestnik Finansovogo universiteta* [Vestnik of Financial University]. Moscow, 2008, I. 2, pp. 10–21.
3. Brink Charlotte H. Measuring political risk: risks to foreign investment. Published by Ashgate Publishing Ltd., 2012. 200p.
4. *Seul'skaya Konventsiya 1985 goda ob uchrezhdenii Mnogostoronnego agentstva po garantiyam investitsiy. OON ot 11 oktyabrya 1985* [Seoul Convention of 1985 on the establishment of the Multilateral Agency investment guarantees. UN dated October 11, 1985]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/1900505> (Accessed: 15 December 2014).
5. Simonov K.V. *Energeticheskaya sverkhderzhava* [Energy superpower]. Moscow, Algorithm Publ., 2006. 272 p.
6. *Gazeta.Ru. Gazpopalpodsanktsii* [Gashasgotundersanctions]. Available at: <http://www.gazeta.ru/business/2014/09/23/6232329.shtml> (Accessed: 23 September 2014).
7. Golovkina E.Yu. *Politicheskie riski v investitsionnoy otsenke neftegazovykh projektov* [Political risks in the investment appraisal of oil and gas projects]. *Nauchno-analiticheskiy zhurnal Obozrevatel'-Observer* [Scientific-analytical journal Obozrevatel'-Observer]. 2013, I. 2 (277), pp. 21–29.
8. MIG Interfax. *Sanktsii poka ne zatronuli rabotu Shell v Rossii* [Sanctions have not yet affected the work of Shell in Russia]. Available at: <http://www.interfax.ru/business/397692> (Accessed 19 September 2014).
9. Shatilov A.B. *Innovatsionnyy projekt modernizatsii Rossii i pozitsiya vlastnoy elity* [Innovative project of Russia's modernization and the position of the ruling elite]. *Vlast'* [Authority]. 2013, I. 9, pp. 16–20.

Никитин А.С., Шатилов А.Б., Муляр С.Н., Вечернин Д.С.

GR ДЛЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА

GR для малого и среднего бизнеса: Монография. М.: Проспект, 2015. 112 с.

Книга «GR для малого и среднего бизнеса» адресована широкому кругу читателей: бизнесменам, чиновникам, сотрудникам общественных организаций, специалистам в области связей с общественностью и взаимодействия бизнеса и власти, а также студентам, аспирантам и научным сотрудникам.

В первой части читатель познакомится с историей современного периода взаимодействия власти и малого и среднего бизнеса. Часть вторая поможет разобраться с основными технологиями взаимодействия власти и бизнеса. Третья часть посвящена актуальным вопросам GR на муниципальном и региональном уровне. Завершают книгу практические кейсы от специалистов по взаимодействию бизнеса и власти.

